

DOI 10.32726/2411-3417-2025-3-92-102

УДК 94

Антон Крутиков

Временное правительство России и реформы местного самоуправления в Прибалтике в 1917 г. Часть 1. Февральская революция и активизация национальных процессов в прибалтийских губерниях

Аннотация. После Февральской революции российское Временное правительство подготовило серию проектов административных реформ в прибалтийских губерниях, в русле расширенной автономии. Обращение к этим источникам позволяет более детально оценить многовекторную динамику процессов в Прибалтике, в том числе отсутствие заданности и предопределенности в последующем образовании там национальных государств. Официальный Петроград рассчитывал использовать стремления к национальной автономии и антинемецкие настроения среди народов Прибалтики для завоевания поддержки местных национальных элит и борьбы с растущим влиянием левых партий. При этом в вопросах национального самоопределения власти в Петрограде исходили из принципа верховенства будущего Учредительного собрания, что вызвало разочарование у эстонских и латышских национальных элит. Острой проблемой было и определение новых административных границ. Актуальные на февраль 1917 г. границы Эстляндской и Лифляндской губерний не совпадали с этнолингвистической картой. Исследование основано в том числе на малоизвестных документах из фонда департамента общих дел министерства внутренних дел Временного правительства, хранящихся в ГАРФ.

Ключевые слова: Россия, Прибалтика, Эстляндия, Лифляндия, Временное правительство, Февральская революция, Первая мировая война, национальный вопрос, национальная политика, Постановление 30 марта 1917 г.

Роль Временного правительства России в становлении новых форм национальной государственности в Прибалтике, как неотъемлемый аспект Русской революции, часто рассматривается исследователями *post factum*, в отрыве от динамики российского политического ландшафта в 1917 г. Крушение российской монархии и централизованного государства в ходе революционной смуты вызвало глубокий эмоциональный отклик не только современников, но и потомков, дав начало многолетней дискуссии о причинах национальной катастрофы. В современных исследованиях популярна точка зрения о нарастании межнациональных противоречий, в том числе на западных окраинах бывшей империи, которые в условиях вакуума власти неизбежно вели к дезинтег-

Сведения об авторе: КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, член Международного общества по изучению Первой мировой войны, bialyorz1000@gmail.com.

рации государства и распаду страны [Назарова. С. 74]. Временное правительство указывается в числе других важных акторов, стимулировавших процессы национального самоопределения и нациестроительства на окраинных территориях [Межевич. С. 184]. В рамках данного подхода становление новых независимых наций в Прибалтике часто описывается как линейное движение от имперской модели немецкого сословного самоуправления к национальной автономии и обретению независимости. Верхней хронологической границей национальных процессов, инициированных мировой войной и революционными потрясениями 1917 г., объявляется образование по итогам Гражданской войны новых национальных государств [Бочарников. С. 15; Межевич. С. 184]. В зарубежной литературе также прослеживается стремление установить связь между современными Эстонией и Латвией и демократическими изменениями, принесенными Февральской революцией [Брюггеманн. С. 409].

Между тем проекты реформ, подготовленных Временным правительством в западных губерниях России, являются ценным историческим материалом, отражающим столкновение идей, партийных интересов и образов будущего российского государства и его окраин, актуальных после февраля 1917 г. Обращение к этим источникам позволяет зафиксировать динамику национальных процессов и «многовекторность» в действиях правительства, отсутствие заданности и предопределенности в последующем формировании национальных государств в Прибалтике.

Максимой для новых властей в Петрограде был отказ от предрешения вопросов национального самоопределения, целиком отнесенных к компетенции будущего Учредительного собрания. В качестве альтернативного подхода Временное правительство подготовило серию масштабных административных преобразований в прибалтийских губерниях, опираясь на расширенное толкование понятия «самоуправление». Изучение документов ГАРФ из фонда департамента общих дел Министерства внутренних дел Временного правительства дает возможность заполнить существующие в историографии лакуны и более детально рассмотреть этапы национальной политики Петрограда в Прибалтике весной и летом 1917 г.

Февраль 1917 г. и национальные процессы в Прибалтике

Вопрос о предоставлении самоуправления национальным окраинам бывшей империи оказался в повестке Временного правительства уже в первые недели после Февральской революции. 7 марта 1917 г. правительство приняло декларацию о восстановлении действия конституции Великого княжества Финляндского и расширении прав работы сейма. Накануне, для защиты Петрограда от возможной «контрреволюции», в Гельсингфорсе произошла смена администрации, бывший генерал-губернатор Ф.А. Зейн был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Комиссаром по делам великого княжества был назначен депутат Государственной Думы кадет Ф.И. Родичев. Помощником комиссара по делам статс-секретариата Великого княжества Финляндского стал видный эстонский национальный деятель, депутат Государственной Думы и член конституционно-демократической фракции Яан Рамот.

Однако наиболее существенные ограничения конституционных прав сейма, введенные в 1904 г. самодержавной властью, предполагалось отменить после окончания войны. Для отмены других «изданных за последние годы противоречащих финляндским законам положений» финляндскому Сенату было предписано «войти с соответствующими предположениями» к Временному правительству [Манифест...].

Власти в Петрограде полагали, что статус Финляндии будет окончательно утвержден Всероссийским учредительным собранием. Уже 31 марта правительство назначило нового генерал-губернатора Финляндии — либерального общественного деятеля и бывшего члена Государственного Совета М.А. Стаховича.

Восстанавливая финляндскую конституцию, Временное правительство стремилось найти опору в национально-буржуазных элитах западных окраин бывшей империи. Это означало определенный разрыв с прежней имперской практикой, традиционно опиравшейся в Финляндии на умеренных конституционалистов и бюрократию, а в Лифляндии и Эстляндии — на немецкое дворянское самоуправление.

Затруднения в использовании прежних подходов к административному управлению национальными окраинами были очевидны уже накануне Февральской революции. Первая мировая война принесла дополнительные вызовы в виде двоевластия военной и гражданской администрации. Совет министров, гражданские губернаторы и Славка были вовлечены во взаимные интриги и часто оказывались бессильны против роста местного национализма и обострения межнациональных конфликтов. Учитывая развернутую в годы войны официальную антинемецкую кампанию, «поиск внутреннего врага» (шпиономанию) среди балтийских немцев, запрет на использование немецкого языка в публичном пространстве, местные национальные элиты в Прибалтике уже были готовы заявить о своих политических правах [Бахтурина. Окраины Российской империи... С. 89–91].

В отличие от Финляндии, в прибалтийских губерниях близость линии фронта была важнейшим фактором, который Временное правительство вынужденно учитывало при реализации своей национальной политики. С августа 1915 г. фронт проходил под Ригой, оставляя в зоне германской оккупации всю Курляндскую губернию и часть Лифляндии. На рижском фронте была расположена российская 12 армия под командованием генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. Присутствие большого числа российских военных в дальнейшем напрямую отразилось на развитии политических процессов в регионе, в первую очередь за счет расширения влияния советов и левых партий. С другой стороны, созданные в 1915 г. латышские стрелковые части рассматривались местными национальными активистами в качестве основы будущих вооруженных сил автономной Латвии.

Германская оккупация Литвы и Курляндии в 1915–1917 гг. привела к волне беженцев, направлявшихся в Лифляндию и внутренние губернии России. Латышские национальные элиты в этот период приобрели большой опыт разрешения гуманитарных

и административно-хозяйственных проблем, защищая интересы беженцев и жертв войны. Руководящей организацией по оказанию помощи беженцам был созданный в 1915 г. в Петрограде Центральный комитет по обеспечению латышских беженцев. Председателем этой организации стал латышский историк, публицист и общественный деятель Вилис Олавс. Комитет, имевший более 200 филиалов по всей Российской империи, объединил многих представителей латышской интеллигенции, впоследствии занимавших государственные посты в Латвийской республике. В определенном смысле этот орган выступал прообразом будущего национального правительства. К февралю 1917 г. в России уже сложились национальные структуры латышей, которые могли быть использованы для формирования органов управления латвийской автономии.

В Эстляндской губернии немецкое балтийское дворянство стремилось к прагматичному сотрудничеству с национальными эстонскими элитами, чтобы сгладить межнациональные противоречия, однако до февраля 1917 г. этот подход не принес практических результатов [Назарова. С. 84]. Было очевидно, что ограниченные проекты реформ самоуправления, подготовленные еще при царской власти, не устраивали местных национальных лидеров. Известия о свержении самодержавия в Петрограде были получены в Эстляндии с опозданием (это было характерно для многих других окраинных территорий). Однако уже 2 марта в Ревеле произошли массовые выступления рабочих, в ходе которых были захвачены канцелярия губернатора и полицейские участки, а их документы, как и в столице, преданы огню [Брюггеманн. С. 413]. Внешние формы революционных выступлений в Эстляндии и состав их основных участников в значительной степени были отражением процессов в Петрограде. Несмотря на тыловой характер губернии, здесь, как и в Лифляндии, определяющим был фактор присутствия большого числа российских военных. Крупной тыловой базой Балтийского флота был Ревель, отдельные гарнизоны находились и во всех крупных эстонских городах. Численность только сухопутных войск в Эстляндской губернии к февралю 1917 г. превысила 100 тысяч человек.

4 марта 1917 г. Временное правительство своим постановлением отстранило всех губернаторов и вице-губернаторов от должности, передав полномочия губернским комиссарам. В этот же день в Ревеле и Нарве были организованы Советы рабочих и воинских депутатов. Комиссаром Эстляндской губернии был назначен Ревельский городской голова Яан Поска — в будущем министр иностранных дел, министр юстиции и вице-премьер Временного правительства Эстонии. Его назначение стало дополнительным сигналом поддержки Петроградом местных национально-буржуазных элит и углубило раскол между революционными массами и национальными партиями.

13 марта 1917 г. в Ревеле на заседании представителей городского и уездного самоуправления был принят меморандум с требованием создания Эстонской автономии, который 18 марта был направлен Временному правительству [Назарова. С. 87]. 26 марта в Петрограде прошла демонстрация в поддержку национально-территориальной автономии Эстонии. В ней приняли участие до 40 тысяч эстонцев, в том числе, рабочие Путиловского завода и несколько тысяч военных из Петроградского гарнизона. Шест-

вие под лозунгами «Да здравствует демократическая республика» и «Автономная Эстония» началось у эстонской лютеранской церкви Св. Иоанна и завершилось у Таврического дворца. Временное правительство согласилось на проведение реформ местного самоуправления в Эстляндии (слово «автономия» не упоминалось), хотя окончательное решение этой проблемы откладывалось до проведения Всероссийского учредительного собрания [Там же].

В первые дни и недели после Февральской революции в Риге, Ревеле и других крупных городах Прибалтики начался процесс активного конституирования органов новой революционной власти. 12–13 марта 1917 г. на собрании представителей латышских национальных организаций был избран Видземский временный земский совет (Временный земский совет Лифляндской губернии) [Воспоминания...]. В собрании в Риге приняли участие делегаты из исторических областей Латвии, в том числе представители оккупированной Курляндской губернии, а также организаций беженцев. В Юрьеве (Тарту) 25–28 апреля проходило отдельное собрание представителей Курляндии (Курземе), которое поддержало идею о создании Латвийской автономии и избрало Курземский временный земский совет. Среди его членов заметную роль играл адвокат Альберт Квиесис — в будущем министр внутренних дел и президент Латвийской республики.

В Латгалии (исторической области Латвии, входившей в состав Витебской губернии) существовали серьезные разногласия по вопросу о создании единой Латвийской автономии. Часть местных национальных лидеров требовали создания отдельной Латгальской автономии, учитывая различия в языке, иной состав населения и исторически сложившийся порядок управления в западных уездах Витебской губернии. 26–27 апреля 1917 г. в Режице (Резекне) состоялся Первый конгресс латгальских городов и волостей с участием депутата Государственной Думы Я. Залитиса. Конгресс принял резолюцию о признании жителей всех исторических областей Латвии одним народом и желании «объединиться с латышами Видземе и Курземе в один автономный организм в российском государстве». Определенная степень автономии Латгалии, по мнению конгресса, также была необходима: «Мы, латыши Латгалии, объединяясь с латышами Курземе и Видземе, оставляем за собой право на решение своих хозяйственных, языковых, религиозных вопросов, а также вопросов, связанных со школьным образованием» [Конгресс латышей Латгалии...].

8–9 марта 1917 г. в Риге состоялся съезд депутатов 12-й армии при участии членов Государственной Думы П.М. Макогона и И.Н. Ефремова, а также командующего 12-й армией генерала Р.Д. Радко-Дмитриева. На съезде был образован Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов (ИСКОСОЛ). Участие эмиссаров из Петрограда в событиях в Риге объяснялось как политической незрелостью военной среды, так и стремлением Временного правительства контролировать наиболее значительные проявления «прямой демократии» на местах. По свидетельству источников, офицерский состав армии оказался не готов к политическим потрясениям февраля — марта 1917 г. и с трудом ориентировался в актуальных социально-политических и наци-

ональных вопросах. По словам участника событий, подпоручика 43-го армейского корпуса 12-й армии Л.Н. Пунина, «Подавляющее большинство наших офицеров были совершенно безграмотными в вопросах внутренней политики. Мы не знали, какие точно партии существуют, какие у них программы и что эти программы обещают народу и солдатам. Выходившие газеты различных направлений мало помогали разбираться в этих сложных вопросах» [Воспоминания...].

Довольно скоро в 12-й армии установилось двоевластие — на съезде делегатов солдатских комитетов латышских стрелковых полков 27–29 марта 1917 г. был образован Исполком Объединенного совета латышских стрелковых полков (ИСКОЛАСТРЕЛ). 12–13 апреля 1917 г. совместное заседание комитетов рот и команд резервных полков латышских стрелков приняло резолюцию об автономии Латвии. Латвийская автономия должна была иметь «государственный характер» и включать «Курляндию, 4 уезда Лифляндской губ. и 3 уезда Витебской губ. (Латгалию), а также пограничные области, населенные латышами» [Революция и национальный вопрос... С. 227]. Для России стрелки выдвинули требование федеративной республики. В мае латышские стрелки поддерживали политическую программу большевиков и выступили против Временного правительства, что было расценено латышскими лидерами как акт «национального предательства». Резолюция 2-го съезда латышских стрелков 17 мая 1917 г. потребовала мира «без аннексий и контрибуций» и передачи власти советам. Видземский временный земский совет латышские стрелки также не признавали.

Временное правительство и Постановление 30 марта 1917 г.

В этих динамично изменяющихся политических обстоятельствах Временное правительство было вынуждено проявлять гибкость, чтобы заручиться поддержкой местных национальных элит в прибалтийских губерниях. Скорейшее введение национального самоуправления должно было, по мнению властей, разрешить сложный комплекс социальных противоречий на этих прифронтовых территориях, укрепить тыл действующей армии и не допустить расширения влияния левых партий. 24 марта 1917 г. правительством была образована комиссия под председательством товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина для рассмотрения проекта реформ местного управления в Прибалтике. Комиссия была создана при участии комиссаров Временного комитета Государственной Думы (ВКГД) от латышского и эстонского населения (Я. Залитис, Я. Голдманис и Я. Рамот), а также других представителей национальной общественности. Создание этого органа стало возможным благодаря личным контактам представителей латышей и эстонцев с премьером Г.Е. Львовым. Проект реформы местного самоуправления в Эстляндской губернии был предложен эстонскими представителями, его рассмотрение облегчали неформальные связи, которые имели в правительстве бывшие члены Государственной Думы Я. Тыниссон и Я. Рамот.

На первом заседании комиссии председатель объявил «принципиальное постановление» Временного правительства: вопросы о самоопределении национальностей и об автономии могут быть разрешены лишь Учредительным собранием. «Задачей комис-

сии может служить лишь выработка Положения о временном устройстве Эстляндской губернии на началах удобства управления в соответствии с настоящими общественно-политическими условиями» [Журнал Комиссии... Л. 15].

Комиссия Д.М. Щепкина отказалась обсуждать вопрос об автономии, речь шла лишь о широких реформах местного самоуправления, необходимых в интересах создания более эффективной администрации и общей демократизации местной власти. Характер этих реформ, предложенных в качестве временной паллиативной меры, говорил о желании Петрограда опереться на умеренные национальные партии в Прибалтике, получить поддержку официальной линии правительства на войну «до победного конца» с Германией и передать окончательное решение вопроса о национальном самоопределении Учредительному собранию. Так как антинемецкие настроения в годы Первой мировой войны были органичной частью национальных процессов в Прибалтике, реформа местного управления должна была покончить с остатками балтийской немецкой автономии и продемонстрировать новый курс правительства на сотрудничество с национальными латышскими и эстонскими элитами.

Важнейшей в данной ситуации была проблема определения этнической территории латышей и эстонцев, напрямую связанная с установлением новых административных границ. Актуальные на февраль 1917 г. границы Эстляндской и Лифляндской губерний не совпадали с этнолингвистической картой, являясь наследием исторически сложившихся реалий многовекового господства балтийского немецкого дворянства. Эстонское население, помимо Эстляндии, проживало в северных уездах Лифляндской губернии, а латышское — в Лифляндии, Курляндии и на западе Витебской губернии. Город Нарва, на который также предъявляло претензии эстонское национальное движение, находился в составе Петроградской губернии.

Комиссия под руководством Д.М. Щепкина приняла решение выделить из Лифляндской губернии северные уезды с преимущественно эстонским населением и передать их Эстляндской губернии. Были выделены пять уездов: Юрьевский, Перновский, Феллинский, Верроский и Эзельский, а также населенные эстонцами волости Валкского уезда. Южная, латышская часть Лифляндской губернии в источниках называлась также Видземской (по названию исторической области Латвии — Видземе).

Фактически Временное правительство создало прецедент, когда вновь образуемые административные единицы получили характер национальных самоуправляемых территорий и отличались от прежних прибалтийских губерний более однородным по составу населением. Кроме того, комиссия Д.М. Щепкина решила объединить вопрос о новых административных границах в Прибалтике с вопросом о реформе местного самоуправления в Эстляндской губернии. Постановление Временного правительства «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии» было утверждено 30 марта 1917 г. Согласно этому документу, подлежали ликвидации все существовавшие ранее органы местного управления в губернии, вместо них создавались новые учреждения.

Управление Эстляндской губернией в пределах этнографических границ эстонских земель осуществлялось губернским комиссаром Временного правительства, которому помогали двое помощников. При комиссаре был учрежден Губернский временный земский совет. Первоначально, при разработке проекта, данный совет задумывался как высший выборный орган местного управления. Однако согласно Постановлению 30 марта Губернский временный земский совет оказался под контролем комиссара. На уровне уездов планировалось создание уездных земских советов в составе 7–15 членов, которые должны были избираться уездными избирательными собраниями. Выборы в уездные избирательные собрания (по одному представителю на каждую тысячу населения) проходили в волостных собраниях «всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием». В выборах могли участвовать все жители губернии, достигшие 21 года. [О временном устройстве... 30 марта 1917 г. С. 257].

Губернский временный земский совет Эстляндской губернии избирался уездными земскими советами и городскими думами (один представитель от 20 тысяч жителей) [Там же]. Избирательного права лишались те, кто проживал на территории своего избирательного округа менее года на 1 марта 1917 г. Число таких жителей было значительным в связи с беженством и вызванными войной перемещениями населения.

В городах выборы в Губернский временный земский совет должны были проводиться отдельно от сельской местности. Временное правительство подготовило список городов Лифляндской и Эстляндской губерний, которые по числу жителей подлежали выделению из состава губернского и уездного самоуправления. В Эстляндской губернии таких городов было четыре: Ревель, Юрьев (Тарту), Пернов (Пярну) и Валк (Валга) [Список городов... Л. 2].

Согласно документам Временного правительства, первые выборы в Губернский временный земский совет «почти повсеместно» прошли на основе общероссийского законодательства, нормы которого отличались от принятого 30 марта Постановления о самоуправлении в Эстляндии [Журнал Комиссии... Л. 8]. Это означало, что требование к избирательному цензу на практике не применялось. Спешка, в которой готовился документ, привела к нестыковкам местного закона и общероссийского избирательного права (Временное правительство наделило всех граждан России избирательным правом с 20 лет, а Постановление 30 марта допускало участие в выборах с 21 года). Возникшую юридическую коллизию обнаружили только летом 1917 г., когда правительство было вынуждено санкционировать уже прошедшие выборы. Открытие Губернского временного земского совета было намечено на 1 июля, а выборы в сельской местности состоялись в апреле — мае 1917 г. В городах выборы прошли значительно позднее, в июле — августе, когда Совет уже начал свою работу. Срок действия органов самоуправления Эстляндской губернии был установлен до 1 января 1919 г., после чего планировалось провести новые выборы.

Несмотря на компромиссный характер, принятие Постановления 30 марта было преподнесено властями как значительное достижение в решении проблемы эстонского

самоуправления. 9–10 апреля Ревель посетила делегация Временного правительства с участием министра юстиции А.Ф. Керенского и живой легенды партии эсеров, «бабушки Русской революции» Е.К. Брешко-Брешковской. По словам эстонской газеты «Tallinna Teataja», ни один царский визит прежде не привлекал к себе такого внимания. На торжественном собрании эстонской общественности в театре «Эстония» министр юстиции получил заверения в лояльности эстонского населения и его желании остаться в составе Российской демократической республики. «Мне предоставлена честь доложить Временному правительству, что эстонский народ передает свою судьбу в руки Всероссийского учредительного собрания», — заверил А.Ф. Керенского адвокат Отто Штрандман, назначенный после революции прокурором Ревельского окружного суда [Ревельское слово. 11 апреля. С. 3]. По его словам, стремление эстонцев к автономии по примеру соседней Финляндии не означало тайного желания отделиться от обновленной демократической России, если новое российское государство готово уважать права всех проживающих в нем национальностей.

В сложном положении оказалось русское население Ревеля — русские общественные организации поддержали демократическую программу Временного правительства, но с недоверием относились к росту местного национализма. Выступая в Ревельском русском общественном собрании, А.Ф. Керенский фактически назвал русское население заложником прежней имперской политики царского правительства. Однако русская демократия, по его словам, «всегда умела находить правильный тон для установления дружеских отношений к демократии эстонской» [Ревельское слово. 10 апреля. С. 3].

Отражением сложных взаимоотношений русской и эстонской общин Ревеля стал конфликт в местной периодической печати, вызванный публикацией газеты «Tallinna Teataja» о том, что русские организации якобы направили Временному правительству жалобы и доносы на «неблагонадежность» эстонцев. По мнению эстонского издания, это могло вызвать меры репрессивного характера со стороны Петрограда, в том числе увольнение губернского комиссара Я. Поска, назначенного Временным правительством. Русская газета «Ревельское слово» была вынуждена запросить официальный комментарий товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина, который опроверг эти слухи. По его словам, «Временное правительство всегда верило в преданность эстонского народа России и всегда открыто об этом объявляло» [Там же]. Но и после этих заявлений определенная степень недоверия к властям в ревельском обществе, наэлектризованном революционными событиями, все же оставалась.

Несмотря на очевидные разногласия между «русской и эстонской демократией», Временному правительству весной 1917 г. удалось сохранить контроль над этой важной окраинной территорией, где ключевую ценность представлял военный порт Ревеля и прикрывавшие Петроград морские укрепления на островах Нарген, Эзель и Даго. Программа визита А.Ф. Керенского в Ревель включала выступления не только на эстонских и российских митингах, но и перед военнослужащими местного гарнизона. Это давало основания полагать, что Временное правительство было в не меньшей

степени озабочено лояльностью военных и моряков, чем проблемами эстонского самоуправления¹.

Прибалтийские губернии рассматривались властями как органичный элемент единого политического пространства постфевральской России, символизируя распространение «идеалов революции», идейное присутствие Петрограда на окраинных территориях. По мнению товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина, власти в Петрограде не видели признаков «эстонского сепаратизма» [Там же]. Для эстонских же элит наибольшей проблемой в связи с принятием Постановления 30 марта 1917 г. было отсутствие официального документа о введении его в действие — без такого документа постановление оставалось лишь декларацией.

Весной 1917 г. национальные элиты в Прибалтике продолжили контакты с Временным правительством с целью скорейшего введения в действие Постановления 30 марта и принятия аналогичного документа для Лифляндской губернии, где вопрос о самоуправлении также требовал решения Петрограда. 23 мая 1917 г. Ригу посетил А.Ф. Керенский, занимавший на тот момент пост председателя Временного правительства и одновременно военного и морского министра. Керенский выступил перед войсками Северного фронта, пытаясь вдохновить их на продолжение борьбы и убедить в необходимости наступления.

Встреча премьера с представителями латышских стрелков не состоялась (их не пустили на митинг). Таким образом, уладить конфликт Временного правительства и Исполкома Объединенного совета латышских стрелковых полков не удалось. Латышские стрелки настаивали на передаче власти советам и ожидали победы «общеевропейской революции», считая себя ее авангардом. Для Временного правительства стало очевидно, что большевизация Латвии представляет собой угрозу гораздо более серьезную, чем рост местного сепаратизма. В этих условиях опора на национально-буржуазные партии в прибалтийских губерниях была необходима правительству не только для реализации его программы демократических преобразований и продолжения войны, но и для сдерживания влияния местной социал-демократии.

Литература

- Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М. 2004.
- Бочарников И.В. Внешнеполитические факторы обретения независимости государствами Прибалтики в 20-х годах XX столетия // Вестник института мировых цивилизаций. 2021. Т. 12. № 3 (32). С. 15–26.
- Брюггеманн К. Революционные события 1917 года в остзейских губерниях Российской им-

1 Выступая перед представителями военных и моряков в Ревеле 10 апреля 1917 г., министр юстиции А.Ф. Керенский призвал их защищать интересы революции так же, как это «делала до сих пор русская интеллигенция».

- перии // *Zeitenwende: deutsche und russische Erfahrungen 1917–1919* / J. Kusber (Hrsg.); A. Tschubarjan (Hrsg.). Frankfurt. 2022. С. 409–421.
- Воспоминания подпоручика Льва Пунина, встретившего революцию на фронте // *Родина*. № 2. 2017. — URL: rodina-history.ru/gazeta/rodina/2017/02/01.html (дата обращения: 01.07.2025).
- Журнал Комиссии по разработке проекта управления и самоуправления в Прибалтийских губерниях, 26–29 мая 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).
- Конгресс латышей Латгалии (1917): как это было // *Грани.lv*. 28 апреля 2016. — URL: kurl.ru/eXMRI (дата обращения: 01.07.2025).
- Манифест об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении её в полном объеме, 7 марта 1917 г. // *Wayback Machine*. — URL: kurl.ru/chbrr (дата обращения: 01.07.2025).
- Межевич Н.М.* К вопросу о факторах формирования политического пространства и государственности в Прибалтике, 1917–1920 гг. // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2019. С. 184–194.
- Назарова Е.Л.* Национальный вопрос как фактор распада Российской империи. Латвия и Эстония на пути к независимости. 1914–1917 // *Альманах североевропейских и балтийских исследований*. 2018. С. 74–105.
- О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии, 30 марта 1917 г. // *Сборник указов и постановлений Временного правительства*. Вып. 1. Пг. 1917. С. 256–257.
- Ревельское слово. 10 апреля 1917 г.
- Ревельское слово. 11 апреля 1917 г.
- Революция и «национальный вопрос»: документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР. Т. 3. 1917. Февраль — октябрь. М. 1930.
- Список городов Прибалтийского края подлежащих выделению из земств губернского либо уездных // ГАРФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 150. — URL: prlib.ru/item/686382 (дата обращения: 01.07.2025).